

Соно Амаль

Горная пташка

Соно Амаль

Горная пташка

<https://litres.ru/74101958>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Горная пташка» – это исповедь девочки, выросшей в клетке восточных традиций, где «глаза в пол» важнее собственных желаний, а «честь семьи» стоит выше детских мечтаний.

Мила с детства знает: быть активной – стыдно, хотеть учиться – бессмысленно, а смотреть в глаза мужчине – непозволительная роскошь или наглость. В юном возрасте она встречает человека, который разрушает ее, но не уходит, потому что выбирать себя – стыдно. Но однажды она понимает, что ее жизнь – это не приговор, а всего лишь черновик. Эта книга не про беспросветную боль и жертву, это история про выбор и освобождение.

Сделайте паузу, если станет тяжело. А потом возвращайтесь. Миле есть что вам рассказать.

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Соно Амаль

Горная пташка

Глава 1

Приветственное слово

Как правило, у болезненных отношений всегда есть логическое начало. Они не возникают ниоткуда. Это всегда исход длительного или бессознательного действия, боли, непонимания и инстинктов – каждый выберет свое. А порой, и все сразу. Моя героиня – Мила, которая росла в восточной семье, однажды пострадала от таких. Нет, здесь не будет беспросветной боли или ненависти. Мила выросла и ее голос расскажет читателю то, как после боли приходит свобода, позволяющая раскрыться, разрыдаться, подать знак о существовании и начать возводить свою жизнь по-новому. Эта жизнь не стала замком, уж тем более из песочным. Теперь ее жизнь – это дом, с крепкими сваями, надежными перекрытиями, здесь царит радушие и тепло. И этот дом больше не похож на ее прежнее жильё.

Мила, совсем не по иронии судьбы, из сложной семьи с восточными, кавказскими нравами. Можно сказать, пример ее семьи – деструктивный. Какое же кричащее слово, напоминающее что-то сломанное и в то же время то, что вполне

можно отремонтировать. Такая же и наша Мила, о которой пойдет этот рассказ.

В ходе чтения, если вам станет тяжело, и вы почувствуете, что эти истории вас душат – сделайте небольшую остановку, дайте мыслям настояться. А потом возвращайтесь. Миле есть, что вам рассказать.

Часть 1. Детство

Мила появилась на свет в селе. Но не в типичном, для большинства читателей, понимании села, где летом детишки бегают по густо растущим полям босоногие, с ветром в волосах и возвращаются каждый год сюда к бабушке и дедушке. Нет, это горное село и девочка наша с Кавказа.

С детства Милу учит мама и бабушка тому, что она должна быть скромной: глаза в пол – это истинный показатель скромности девушки. Ведь, когда она вырастит и будет невестой на выданье, то люди обязательно будут говорить о том, могла ли она быть нахалкой и смотреть прямо в глаза мужчине. Конечно, здесь и в восприятии взрослых, это невозможно и возмутительно. О такой девушке точно скажут, что она неприличная, а о родителях – что они не заботятся о чести семьи. Тогда Мила принимает немного другую позицию, она предпочитает смотреть будто бы сквозь человека.

Честь семьи. Будучи ребенком, Мила не понимала значения этой фразы. О чем это? Что такое честь? Почему она именно у семьи? Но и став взрослой, разумной и сознательной девушкой, понятие это было для нее расплывчатым.

Например, она часто слышала выражение «опорочить честь семьи». Так говорилось о девушке, которая, как раз-таки могла посмотреть прямо в глаза мужчине. Так говорили злые языки. Конечно, смотреть в лицо человеку и понимать, что он имеет в виду и считывать, что он на самом деле хочет сказать, было для Милы важнее, чем пустая фраза, которая к ней не имела никакого значения.

Высшим пороком и очернением чести семьи были, конечно, отношения до брака. Но об этом Мила расскажет отдельно и подробно.

Чуть ниже этого уровня позора находились, как мы уже говорили, взгляд, одежда, поведение и активность. Почему-то мама и бабушка считали, что если Мила растет активным ребенком с живым умом и любознательностью, то это ни к чему хорошему не приведет. Именно поэтому они с самого детства желали оградить ее от общественного досуга.

«Девочка должна сидеть дома! Лучше, смотри, как я готовлю, учись», - повторяла часто бабушка. Так, к десяти годам она и правда умела готовить национальные блюда, убиралась в небольшом их сельском домике, ходила в магазинчик в конце улицы за продуктами и в целом, знала немного хозяйство. Но вот другие детские развлечения для Милы были под запретом. Никаких танцев, потому что бабушка Милы считала, что это порочит ее.

«Неизвестно каким танцам вас там обучат», - взывала пожилая, женщина, обращаясь к ребёнку. Вообще, бабушка

Милы часто опошляла невинные вещи.

Так сложились обстоятельства, что Мила с мамой уехали подальше от села. В город, где преимущественно была другая культура. Вдвоем они поселились в небольшой комнатухе общежития, которое выделили маме девочки, когда в первый же день она нашла работу уборщицей. Она знала, куда ехать.

Здесь Мила пошла в пятый класс, приближался подростковый возраст. Ее приняли хорошо. Иногда, правда, ее новая подруга, Дария, говорила, что от нее пахнет едой. Но она ничего не могла с этим поделать – они с мамой готовили и жили в одном и том же месте. Дария тоже была единственным ребенком у своих родителей. Она была совершенной блондинкой, ее глаза были слегка заужены, а их цвет был подобен камням Кавказа, которые переливаются от нагретого солнца. Мила восхищалась ее красотой. Другой ее подругой стала Фаина. Она была полной противоположностью Дарии – ее волосы были чернее ночи, толстые и длинные. Она плела одну плотную косу или оставляла хвост, с грустью смотря на тек девочек, у кого на голове красовались разнообразные плетеные косы – ее голова бы не выдержала тяжести своих же волос, вот настолько они были густыми. Она была, почему-то, старше Милы и всех одноклассников, и между ними была одна очень похожая вещь – Фаина тоже была из восточной семьи и воспитывалась, наверное, еще в более суровых условиях. Между Дарией и Фаиной были непонятные отно-

шения. Мила пришла в их класс тогда, когда Фаина уже училась с ними один год, но девочки то дружили, то не любили друг друга. Несмотря на это, Мила выбрала дружить с ними обеими, чтобы не обидеть никого.

Шли дни. В комнатушку мамы и девочки присоединилась строптивая бабушка, которая не смогла по зову приличия оставить своих девочек одних. Зоркий ее глаз вновь принялся следить за всеми действиями, особенно за тем, как растет внучка. Вдруг, она решит отойти от правил, которые создавались людьми гор веками.

Однажды в классе Милы организовали экскурсию в Художественную галерею. Девочка из села, мало знающая о культуре и искусстве, все же с детства тянулась к образованию и все новое ей было интересно. Она сомневалась, что ей позволят поехать, причин могло быть множество, но ей всегда давали только два ответа и она их знала: нет денег, да и зачем? Родители Милы правда не понимали необходимости развития ребенка. Для них не существовало понятия «развитие», будто их Мила навсегда останется десятилетней, а потом в один момент ей стукнет восемнадцать и ее выдадут за односельчанина. Мечта бабушки!

Но вернемся в дни, когда у Милы возник коварный план все же попасть в Художественную галерею. Тогда они с Фаиной, скооперировавшись решили, что каждая дома сообщит следующее: «Да, ее отпустили и она идет». То есть, Фаина должна была сказать, что Мила пойдет в галерею, а Мила о

том, что родители Фаины тоже дали зеленый свет.

Девочки привыкли к запретам. Но вот их окружение – нет. Конечно, их одноклассникам было непонятно, как можно запретить им вставать на путь просветления? Другие рассуждали о том, что если бы жили с такими родителями, то специально бы вырывались из этих оков на зло, а третьи считали действия взрослых просто дикими. Несмотря на это, дома после долгих и скрупулезных объяснений почему надо, да и каким образом Фаину отпустили, разрешили пойти и Миле в это непонятное и сомнительное место.

В день Икс, Мила счастливая, что ее родители в последний момент дали добро, побежала к пункту сбора, бережно сжимая в кармашке и без того потрепанные сто рублей.

«Только на музей!», – сказала мама, обозначив, что никаких перекусов не будет и думать о них она сама тоже не стала.

Все одноклассники были в сборе. Учитель пригласила двух родителей, которые сопровождали детей в это мини-путешествие до соседнего райончика. Но для Милы это правда было целое путешествие, будто, начало чего-то нового. Помимо ярого желания развиваться и увидеть нечто красивое, что она видела только в книгах, ей хотелось оставаться в кругу своих одноклассников, а позиции ее были, итак, слабы. Слабы были тем, что она с Кавказа, темноволосая, кучерявая, непонятная работа мамы, а отец где – неизвестно. Поэтому Миле нужно было доказать, что она тоже своя.

Но внезапно она впала в какую-то тревожность. Ее гла-

за стали стеклянными, отслеживая среднюю стрелку часов, она начала осознать, что здесь нет одного необходимого ей человека. Детей было много, родительницы метались из стороны в сторону, пересчитывая участников. Но вот Фаина не пришла. Стоит ли рассказывать, в каком напряжении был ребенок, понимающий, что его ложь очень скоро раскроется?

Про характер Милы еще нужно сказать, что она не была из тех, кто бунтовал на ровном месте. С раннего детства она тянулась к знаниям и развитию. Ей казалось, что все в жизни достается титаническим трудом, ведь ее мама работала в прачечной, а бабушка – уборщицей. Но и нельзя было сказать, что она была тихоней. Первой в драку не лезла, но защитить себя могла.

И вот, возвращаясь к поездке, когда Мила была вся, как на иголках, ее десятилетнее сознание пришло к выводу, что есть два пути. Первый – попросить телефон у учительницы, позвонить матери и сознаться во всем: в обмане, в желании не выделяться из класса и посещении этой несчастной галереи. Тогда бы она страшно поругалась на нее, приехала бы сама за ней и вывела бы оттуда за руку с позором. Клеймо неудачницы и странной одноклассницы навеки бы осталось за девочкой. Вторым вариантом стало упование – оставить все, как есть, попробовать отвлечься на картины. Она выбрала второй вариант, только потому что понимала – ничего не изменить. Хоть и безнадежная мысль о том, что Фаина

внезапно приедет – не покидала ее. Путь стал для девочки сложным, она раздражалась и сидела в конце автобуса одна. Дети прибыли на место и побрели на экскурсию.

Группа из восемнадцати детей бродила по залам плотной колонной. Внимание Милы привлекла трехметровая картина Екатерины II, кисти Левицкого. Перед величественной картиной стояло десять стульев. Свет на картину падал плохо, складки платья Императрицы не было видно отчетливо издалека. Вблизи ребенок с трудом себя сдерживала, чтобы не прикоснуться к волшебным мазкам. Ее поражала глубина цветов, их разнообразие и благородство. Удивительным для нее было и то, как художник сумел передать выражение лица – расслабленное, уверенное, с изъяснами, но не явными. Но все же внимание на себя перетягивало одеяние. Пальчиками она провела по резной раме картины, покрытой поталью, но быстро себя одернула, чтобы блюстители культуры не поругали ее за порчу государственного имущества.

В этом зале, помимо картины императрицы были марины Ивана Айвазовского. Будто морской волной нахлынули на девочку эмоции, заставили обомлеть и зависнуть на них. Как-то непонятная буря чувств вдруг полыхнула внутри нее. Перед ней висел «Девятый вал». На переднем фоне картины – плотные, тяжелые волны, которые покрывали все снова и снова плот путешественников. Вода буйствует, а люди пытаются тщетно противостоять силе природы. Но вддали, сверху, видно закатное солнце, оно мягкое, ласковое и будто дает

какую-то надежду на то, что вода успокоится, а люди выживут. Она смотрела на картину полностью, затем глаза ее изучали детали, делали плавный круг и так по новой несколько раз. Имя великого художника ей было неизвестно, дома никогда не изучали культуру. Малообразованные родительницы пеклись о другом.

Выйдя из бордовой залы, группа направилась в другой, более длинный, серый. Здесь между картинами было много воздуха, они были в похожих оттенках и более мрачные, казалось, что они уже не так удерживали зрителей. Здесь, глядя на натюрморт военного времени, Лева – одноклассник Милы, внезапно выдал:

– Выглядит эта тарелка аппетитно! Я бы съел.

На что возмущенная пожилая женщина-экскурсовод, насупившись ответила:

– Милый мой! А знаешь ли ты, каким трудом художники писали картины во время войны? Не ели сами, голодали, чтобы твои маленькие глаза смогли увидеть эту картину.

Зал наступило молчание. Экскурсовода вывели из себя, на ее лице не было и малейшего сожаления об унижение ребёнка. Группа пошла дальше.

Удивляли Милу и колонны, широкие лесенки, громадные перилла и особенно потолок. Белоснежный, будто покрашен перед их приходом. Минималистично на нем расположили лепнину, а толстые карнизы добавили объема плоскому пространству.

Все эти образы надолго станут для Милы знаковыми. Благодаря этой поездке она начнет укреплять себя, поймёт, что она – это не девушка на выданье, а человек со своими желаниями, целями, характером и защитой. Она теперь знает, что путь к этому на одну маленькую ступеньку пройден.

Путешествие закончилось. Группа вернулась в школу и оттуда дети побрели по домам. Мила жила с мамой и бабушкой в крохотной комнатке общежития, коих неподалеку от ее школы было много. Шел легкий дождь, она раскрыла свой потрепанный зонт. Бабушка научила ее удерживать инструмент у основания, иначе он будет складываться обратно. Так она шла до своего жилища по мокрым и пустым улицам будним днем.

Дойдя до общежития, она остановилась под деревом. Дождь залил сильнее, и она наблюдала за тем, как вода стекала с зонта и билась о влажную землю. Так она постояла пару минут и побрела ко входу.

К слову, тут наша девочка тоже выделилась среди одноклассников - она была единственной, кто живет в подобных неблагоприятных, мягко говоря, условиях. Сначала она этого стеснялась, ее это даже мучило. Но потом она приняла этот факт. Мама ее, возможно, стыдилась этого более, чем она.

Зайдя домой, она увидела чистые разношенные галоши - бабушка дома. Комнатка была маленькой, сначала шла крохотная кухонька, где был всего один шкаф сверху - для су-

хих продуктов, по типу круп и муки с сахаром, а другой снизу - где хранились сковородки и кастрюли. Несмотря на бедность, мама с бабушкой любили покупать кухонную утварь даже в такие условия. Между ними стояла электрическая плита на два отсека. Справа от гарнитура расположился холодильник. Отметим, что он был новый, но об этом мама Милы говорила мрачно, потому что потрачено на это дело немало накоплений, а прошлый не сумел дожить пару годков, и тогда бы пережил бабулю. Сразу после кухни хватало одного Милиного шага, чтобы оказаться в комнате буквально четыре на четыре. В правом углу стояла двухэтажная металлическая кровать, которая скрипела при каждом вздохе и взгляде на него, а на против – покои бабушки - старинный диван, который будто пережил несколько воин.

Она глядела в старый телевизор, на верхушке которого красовалась высоченная антенна. Глядя прямо в экран, не поворачивая голову, она спросила Милу:

- Как сходили? Стоило своих денег?

Девочку немного смутили эти слова, она не понимала, как можно оценивать то, с чем знакомишься впервые.

- Ну, да. Наверное, - проговорила она и вышла из комнаты.

Вечером пришла мама, они сели за ужин втроем. Это их обычный ритуал - ужинать вместе, даже, если кто-то пришел поздно, даже, если кто-то не в духе или заболел, и даже в ссоре.

Мама тоже поинтересовалась галереей без особого энту-

зиязма, Мила стала рассказывать какие картины и почему ее впечатлили, но тут бабушка иронично вставила:

- Ой, и что? Ты теперь у нас художницей станешь?

Мила смутилась еще сильнее, потому что параллельно вспомнила про свой великий обман. Она решила промолчать, спрятав глаза, а через долю секунды, вспомнив, про наставления родительниц «прятать глаза», вдруг подняла их на бабушку, глядя на нее исподлобья. Это был неуверенный взгляд, она раньше так не глядела ни на кого. Бабушке этот жест не понравился, она его поняла сразу и вскинула бровь, но диалога дальше не состоялось, Мила сдала позицию.

Прошли выходные и девочка неслась в школу с небывалым интересом, ей срочно нужно было встретить Фаину и узнать, почему та, по сути, подставила подругу. Но на первый урок Фая не пришла. На второй – тоже. На третий и ждать не стоило. Тогда Мила невзначай поинтересовалась у классного преподавателя, что с Фаиной, на что ей ответили, что она болеет. Во вторник и в среду ее тоже не было. Девочки жили недалеко друг от друга, но за эти пару дней они так и не пересекались. Тогда Мила решила пойти в разведку и выяснить, что могло произойти.

После уроков в среду она отправилась на поиски пропавшей. Перед домом Фаины стояли то овощные ларьки, то самодельные столы с продажей всякой всячины по фиксированной цене, то инструменты и какие-то запчасти. Ее очень интересуют подобные безделушки, особенно ей хоте-

лось остановиться у столика с мелочью с фиксированной стоимостью, но денег нет, а значит – нет и времени. Люди мешкались, перепроверяю свои покупки, внезапно останавливались, мешая другим. Пройдя до угла она поняла бессмысленность своей затеи: найти Фаину среди жилых домов невозможно, если она сидит дома. Едва она подумала об этом пару секунд, как почувствовала на себе взгляд. Подняв глаза, она заметила, что кто-то, стоявший примерно в пяти метрах от нее перед прилавком с безделушками, резко спрятал лицо в воротник куртки. Затем из этого воротника показались глаза и робко снова глянули на Милу. Это была Фаина. Она продавала те самые безделушки.

Мила ринулась к ней и от череды вопросов она не знала, что сказать и лишь глядя на несчастную девочку, проговорила:

- Но..Фая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.